

ИМАГОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.14'03.0
doi: 10.17223/24099554/17/7

ХРИСТИАНСКИЕ МОНАСТЫРИ ВОСТОКА VI–VII вв. В «СВЯЩЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ» ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО

Татьяна Георгиевна Попова

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Калининград, Россия, lestvic@mail.ru*

Аннотация. В памятнике византийской учительной литературы Лествице Иоанна Синайского имеются сведения о лавре Саввы Освященного, а также о семи египетских монастырях, при этом названия трех из них отсутствуют. Замалчивание названия монастыря, находившегося близ Александрии, может быть связано с тем, что он являлся центром монофелитской ереси и тем самым заслужил «проклятие памяти». В статье речь идет о типах монашеского подвига и называются отшельнические скиты вблизи монастыря святой Екатерины.

Ключевые слова: Лествица Иоанна Синайского, история восточного монашества, топонимика средневекового Египта

Источник финансирования: Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 22-18-00005 «Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского»).

Для цитирования: Попова Т.Г. Христианские монастыри Востока VI–VII вв. в «священном пространстве» Лествицы Иоанна Синайского // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 122–142. doi: 10.17223/24099554/17/7

Original article

doi: 10.17223/24099554/17/7

**CHRISTIAN MONASTERIES OF THE EAST
OF THE 6TH–7TH CENTURIES IN THE “SACRED SPACE”
OF *THE LADDER OF DIVINE ASCENT*
BY JOHN CLIMACUS**

Tatiana G. Popova

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
lestvic@mail.ru*

Abstract. The article studies the translation of *The Ladder of Divine Ascent* by John Climacus with the aim to name historical evidence and facts about the life in Eastern monasticism of the 6th–7th centuries, described in this work of literature. The author uses the term “sacred space” to define the residences of Egyptian monks described by John Climacus. In total, *The Ladder* names four Christian monasteries (St. Catherine’s Monastery of Sinai, the Raifa Monastery, the Lavra of St. Savva the Sanctified, and the Tavennisi Monastery), Scetis, five places of monastic seclusion near St. Catherine’s Monastery of Sinai (Fola, Siddin, Arsilaila, and two unnamed places: the residence of St. Stephen on Mount Sinai and the residence of Isychii on Mount Khoriv). The names of three monasteries included in the “sacred space” are not given, though *The Ladder* contains vivid pictures of the life there. These are: 1) a monastery in Asia, where St. Acacius of Sinai lived; 2) a monastery in Pontus, where St. John the Silent lived; 3) a monastery near Alexandria, which plays the key role in the “sacred space” of *The Ladder*. This monastery owned a lavra and a metochion, used a prison. The name of the hegumen of this monastery is also unknown, though *The Ladder* presents him as an ideal collective vision of a senior priest: a shepherd, father, teacher, judge, doctor, helmsman, and artist. The symbolic key to understanding *The Ladder* is the Parable about the Good Shepherd and the Mercenary. The traits of a “good shepherd” *The Ladder* are epitomized by an anonymous hegumen of an anonymous monastery. Concealing the name of the hegumen, John Climacus names the monks who lived in this monastery (Isidore, Lawrence, Avvakir, Macedonian, Mina). In total, there were 330 monks, besides those were in the lavra or metochion. John Climacus provides a vibrant description of the life in this monastery, which he observed for two months, paying special attention to the description of the monastery prison. The monks voluntarily doom themselves to suffering in the prison, with their torments making the deepest impression on the medieval reader. These images can be found in various types of fine arts, in Byzantine hymnography and in other literary monuments, for example, in the “Testament” of the Kiev Metropolitan Constantine I, who or-

dered not to bury his body after death, but to drag it out to the wasteland and leave it to be torn apart by the street dogs. The question remains why the name of a huge monastery near Alexandria, whose hegumen enjoyed undoubted spiritual authority, has not been mentioned in *The Ladder*. Probably, the monastery was the spiritual center of Monothelism, so that it was cursed and deleted from all sources, including *The Ladder*.

Keywords: *The Ladder of Divine Ascent* by John Climacus, History of Eastern Monasticism, Toponymy of Medieval Egypt

Financial Support: The reported study was funded by RSF, project number 22-18-00005 «Iconography and hagiography of *The Ladder of Divine Ascent* by John Climacus».

For citation: Popova, T.G. (2022) Christian Monasteries of the East of the 6th–7th Centuries in the “Sacred Space” of *The Ladder of Divine Ascent* by John Climacus. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 17. pp. 122–142. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/17/7

Одним из популярнейших в Средние века памятников византийской учительной литературы является книга, написанная в начале VII в. игуменом Синайского монастыря Иоанном, получившая в греческой традиции название Κλίμαξ (*Лествица*). Иоанн Лествичник принял монашеский постриг на Синае в возрасте 16 лет. В Синайской пустыне он провел всю жизнь, за исключением краткосрочного путешествия в один из александрийских монастырей. Личный опыт и впечатления от путешествия нашли яркое художественное воплощение в его творчестве.

Под «священным пространством», вслед за М. Гардзанити, понимаются такие места, в которых в том или ином виде проявлялась Божественная сила [1. С. 49]. В Лествице присутствуют и святой град Иерусалим как центр истории всего человечества, и святая река Иордан, и Голгофа как место спасения и искупления, и Неопалимая Купина, и гора Моисея, и множество других библейских топонимов. Однако понятие «священное пространство» в христианской литературе намного шире, чем география Библии. Применительно к Лествице в него входят и монастырь, и темница (монастырская тюрьма), и пещера отшельника. Всюду проявляется действие ангельских сил, которым противостоят бесовские; всюду в центре авторского повествования стоит Иисус Христос, его учение, его смерть и его Воскресение.

Как считает святой Иоанн Лествичник, каждый желающий посвятить себя Христу прежде всего должен выбрать подходящее для его подвига место: Ἐν τρισὶ γενικωτάτοις καταστάσεσι καθισμάτων ἅπανα ἢ μοναχικὴ πολιτεία περιέχεται, ἢ ἐν ἀθλητικῇ ἀναχωρήσει καὶ μονία, ἢ μετὰ ενός, ἢ τὸ πολὺ δύο ἡσυχάζειν, ἢ ἐν κοινοβίῳ ὑπομονητικῶς καθέζεσθαι (Col. 641D)¹ *(Все житие монашеское содержится в трех главных устройствах и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве, или в том, чтобы безмолвствовать с одним и, много, с двумя, или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии)*. При этом когда мы, живя в каком-нибудь месте, бываем боримы к переходу на другое, то брань эта будет для нас указанием нашего благоугождения Богу на том месте, ибо когда бываем боримы, то это значит, что мы противоборствуем: Γενέσθω ἡμῖν ἢ ἐκ τῶν τόπων πολεμουμένη ἀναχώρησις τῆς ἡμετέρας ἐκεῖσε εὐαρεστήσεως ἀποδειξίς, εἴπερ τὸ πολεμεῖσθαι, σημεῖον τοῦ πολεμεῖν (Col. 720A). Скитаться, переходя от одной обители к другой, нехорошо, и место, которое выбрал инок, да будет ему гробом прежде гроба: Μνήμᾳ σοι πρὸ μνήματος ὁ τόπος ἔστω (Col. 716B).

Для первого топоса в Лествице встречаются именованя: *уединение* μονία, *местопребывание отшельников* τόπος τῶν ἀναχωρητῶν, *безмолвное место* ἐν τοῖς ἡσυχαστικοῖς τόποις, *безмолвейшее место* ἐν ἡσυχαστικωτέροις τόποις. Именно в этих местах особенно лютуют бесы, *изгнанные Господом в пустыню и в бездну ради нашего спасения*: Τινὲς, καθὼς καὶ φθάσαντες εἵπομεν, ἐν τοῖς ἡσυχαστικοῖς τόποις πολλῶ πλεον πολεμεῖσθαι πεφύκασι. Καὶ οὐ θαῦμα, φιλοχωροῦσι γὰρ ἐκεῖ πολλῶ πλεον οἱ δαίμονες, ὑπὸ τοῦ Κυρίου ἐν ταῖς ἐρήμοις, καὶ ἐν τῇ ἀβύσσῳ ἐξορισθέντες πρὸς σωτηρίαν ἡμῶν (Col. 893A). Например, *бес уныния* (δαίμων τῆς ἀκηδίας), увидев в пустыне келию отшельника, *улыбается и, приблизившись к нему, поселяется подле него*: κέλλαν ἀναχωρητοῦ ἰδοῦσα, ἐμειδίασε, καὶ προσεγγίσασα αὐτῷ, πλήσιον ἐσκήνωσεν (Col. 860B). В качестве примера для подражания желающим стать пустынноиками приводится Арсений Великий (ἡσυχίας δὲ τύπος, ὁ μέγας καὶ ἰσαγγελὸς ἡσυχαστῆς Ἀρσένιος), удалившийся от людей в затвор в Скитской пу-

¹ Здесь и далее текст Лествицы цитируется по изданию: Climaci Joannis Scala paradisi. Patrologiae cursus completus. Series graeca / ed. J.P. Migne. T. 88, Col. 631–1210. Parisiis, 1860.

стыне и полностью предавший себя общению с Богом (Col. 1112D). *Безмолвник есть земной образ Ангела*: Ἦσυχαστὴς ἐστὶ τύπος Ἀγγέλου ἐπίγειος (Col. 1100A).

Второй топос монашества называется, как и первый, *безмолвное место*, однако уточняется, что монах находится в этом месте не один, а, например, *в послушании с отцом* (ἐν ἡσυχαστικῷ τόπῳ μετὰ πατρὸς ἐν ὑποταγῇ). Еще одним названием топоса является *с другими* (ἐν συνοδίᾳς). Келью отшельника Лествичник называет *келла*, κελλίον, ἡσυχαστήριον.

Третий топос (монастырь) именуется, как правило, μονή, κοινόβιον, реже — μονία, μοναστήριον. Для монастыря Лествичник находит емкую дефиницию: Κοινόβιον ἐστὶν ἐπίγειος οὐρανός (*Монастырь есть земное небо*) (Col. 714B). Монастырский метох называется μοναστήριον и λαῦρα.

В египетских монастырях и близ них подвизались преп. Иоанн Лествичник, а также его современники, о которых он повествует в своей книге: преп. Иоанн Савваит, блаженный Исихий Хоривит, преп. Стефан Синайский, преп. Мина, преп. Акакий и другие монахи.

Всего в Лествице упомянуто восемь православных обителей.

1. Синайский монастырь св. Екатерины.

В VI–VII вв. вокруг горы Синай существовал крупнейший и важнейший для этого исторического периода монашеский центр, включающий в себя, кроме главного храма (монастыря святой Екатерины), множество пещер отшельников. По мнению У. Дахари, опирающегося на данные археологических исследований, таких уединенных мест было несколько десятков [2. С. 113]. В Лествице называются пять из них.

1.1. Пещера преп. Иоанна Лествичника в месте Фола (Θολᾶς).

Это уединенное место находится на расстоянии *пяти стадий от храма*: σημείοις τε πέντε αὐτάρκως ἐκ τοῦ κυριακοῦ τὴν τῆς παλαιστρας μονίαν εἰληφώς, Θολᾶς δὲ τοῦνομα τῷ χώρῳ (Col. 597C). В этом месте Лествичник выбрал себе небольшую пещеру (ἄντρον βραχύτατον), которая *на столько отстояла от его келии и от всякого человеческого жилища, сколько нужно было для того, чтобы заградить слух от тщеславия, но к небесам она была близко*: ἕως καὶ νῦν, περίεστιν ἐργαστήριον, ἐν ἐσχатиᾷ τινι, καὶ ὑπωρεῖα πέλον, ἄντρον βραχύτατον, ἀπέχον μὲν ἀπὸ τῆς αὐτοῦ, καὶ πάσης κέλλης, τοσοῦτον, ὅσον τὰ τῆς κενοδοξίας ὧτα ἀποφράσσειν ἡδύνατο, πλήσιον δὲ τοῦ οὐρανοῦ (Col. 601A).

Согласно житию святого (Col. 595–607), Иоанн Лествичник провел в этой пещере 40 лет. Первое, что бросается в глаза современному путешественнику при виде этой пещеры, – это огромный камень, нависший над ее входом. Для себя святой выбрал второй путь подвижнической жизни: у него был ученик, и пещера находилась недалеко от храма. В житии Лествичника содержится рассказ о спасении им его ученика Моисея, утомившегося от тяжелого труда и уснувшего в жаркий полдень в тени от большого камня. В это время Иоанну Лествичнику привиделся ангел, сообщивший, что его ученик в смертельной опасности. Святой Иоанн стал молиться об ученике, Моисей проснулся и успел выскочить из того места под камнем, который мог его раздавить. Молитва святого Иоанна была способна изгонять бесов. Автор жития святого рассказывает историю об исцелении одержимого духом плотской похоти мужа по имени Исакий: *τίς ποτε, Ἰσαάκιος τοῦνομα, ὑπὸ βάρους τοῦ φιλοσάρκου δαίμονος ἰσχυρῶς πιεζόμενος*. После совместной молитвы с Иоанном Лествичником Исакий избавился от своего недуга. Автор жития святого сообщает, что к отшельнику приходили посетители, желавшие с ним побеседовать. Узнав, что некоторые считают его многоглаголивым (*ἀειλάλον*) и болтуном (*φλῆναφον*), Лествичник наложил на себя обет молчания и не произнес ни одного слова в течение года – до тех пор, пока его не умолили продолжать беседовать с посетителями его пещеры.

В этом же месте, называемом Фола, жил *некий* инок: *Ἐτερος τις οἰκῶν ἐνταῦθα ἐν τῷ λεγομένῳ Θολῷ τόπῳ*. Мысли о будущей смерти приводили его в такое исступление, что он казался лишенным чувств или находящимся в припадке эпилепсии (Col. 796C). Не исключено, что *неким иноком* Лествичник назвал самого себя.

За подвижническую жизнь отшельники получали от Господа дар чудотворения. Так, например, одну историю о себе самом поведал автору книги некий монах, живший в Синайской пустыне, вероятно, в том же самом месте (Фола) или недалеко от него. Он двадцать лет мучился, одолеваемый *бесом тицеславия* (*δαίμων τῆς κενοδοξίας*), пока не пришел в келию к *одному святому мужу*, изложив на бумаге свои страдания. *Старец, прочитав писание, улыбнулся и, подняв брата, говорит ему: Положи, чадо, руку твою на мою выю: Ὡς δὲ ἀνέγνω ὁ γέρων, ἐμειδίασε, καὶ ἀναστήσας τὸν ἀδελφὸν, λέγει αὐτῷ "Ἐπίθεε, τέκνον, τὴν σὴν χεῖρα ἐπὶ τὸν ἐμὸν ἀνχένα"* (Col. 980A). Не успел монах выйти из келии старца, как его *страсть исчезла*.

1.2. Пещера (κέλλα) преп. Стефана Синайского.

Рядом с пещерой св. Илии Пророка на горе Синай находится пещера, в которой подвизался благочестивый отшельник Стефан (Col. 812): ἐκέκτητο τὴν κέλλαν πρὸς τῇ καταβάσει τοῦ ἁγίου καὶ θεόπτου Ἡλίου, ἐν τῷ ἁγίῳ τοῦτῳ ὄρει (*имел келию на скате святой горы, где жил некогда святой пророк и Боговидец Илия*). Здесь у него были два ученика родом из Палестины. Впоследствии Стефан в поисках более суровой и трогой жизни удалился в глухую пустыню. Келию он оставил под присмотр своих учеников (οἱ καὶ ἐφύλαττον τὸ κελλίον τοῦ γέροντος). Почувствовав приближение смерти, он вернулся в свою келию на своей горе (ἀνέρχεται περὶ τὰ ἑαυτοῦ ἔσχατα, ἐν τῷ ἰδίῳ κελλίῳ, ἐν τῇ ἁγίᾳ κορυφῇ ὁ γέρων). Смерть его была страшна и мучительна – целый день до отхождения души от тела он был *истязаем* некими *невидимыми*, стоящими возле его ложа, обвинявшими его в разных грехах, часть из которых он признавал, а часть – не признавал. Нетленные мощи Стефана, облаченные в монашеские ризы, в настоящее время покоятся в стеклянном киоте в осыуарии Синайского монастыря.

1.3. Сиддин (Σίδδην).

Местопребывание отшельников в египетской пустыне, называемое Сиддин (τὸν τόπον τῶν ἀναχωρητῶν, τὸν καλούμενον Σίδδην), *лишено было всякого утешения и удалено было от всякого пути человеческого, так как находилось в расстоянии семидесяти поприщ от селений*: ἐπεὶ ἀπαράκλητος ὁ τόπος καὶ πάσης ἀνθρώπου διόδου ἀνεπίβατος, ὥς ἔτυχεν ἀνὰ ἀπὸ ἑβδομήκοντα μιλίων τοῦ Καστροῦ (Col. 812). В этом месте святой Стефан провел несколько лет самой строгой и суровой жизни (πεποικώς τε ἐκεῖσε ἐν στενοτάτῃ καὶ ἐπιτεταγμένῃ διαίτῃ χρόνους τινάς). Там он достиг настолько полной гармонии с окружающим миром, что мог из рук своих кормить леопарда.

1.4. Пещера (κέλλα) Исихия на горе Хорив.

Для горы Хорив Лествичник находит метафору: βαθυτάτην κοιλάδα ταπεινώσεως (Col. 1204C) (*глубочайшая юдоль смирения*). В одной из пещер на склоне этой горы подвизался блаженный Исихий Хоривит¹, о жизни которого известно из Лествицы: Οὐ σιωπήσω σοι

¹ В Православном календаре (3 октября) на сайте Православие.Ru (дата обращения: 11.07.20) Исихий Хоривит Безмолвник ошибочно значится в числе монахов одного из монастырей на Афоне.

καὶ τὸ τοῦ Ἠσυχίου τοῦ Χορηβίτου σημαίνει διήγημα (Col. 796D): *Не премину сообщить тебе повесть и об Исихии, иноке горе Хорив*. Не отличавшийся благочестивой жизнью, Исихий смертельно заболел, в течение часа казался совершенно умершим, но после пришел в себя, умолил всех оставить его одного, заключил себя в келье, где в течение 12 лет покаяния ничего не вкушал, кроме воды и хлеба. Перед смертью он настолько изменился, что стал неузнаваем. Похоронили его иноки в усыпальнице, вскоре после чего его святые мощи исчезли, что стало знаком того, что Господь его принял. Этот рассказ о Исихии Хоривите, оторвавшись от текста Лествицы, вошел в многочисленные учительные сборники, Пандекты Никона Черногорца, Пролог и стал восприниматься как житие святого.

1.5. Арсилая.

В этом пустынном месте подвизался брат Иоанна Лествичника Георгий, названный по месту Арсилаит¹. Это место, вероятно, находилось между Синайским и Раифским монастырями, потому что Георгий Арсилаит был знаком Иоанну Раифскому. В тексте Лествицы встречается одно изречение Георгия: Ὁ τὰ πάθη περικείμενος, καὶ τῇ τούτων ἀδολεσχία ἐν ἐρήμῳ διατρίβει, ὥς καὶ γέρων μοι ἅγιος τὸ τοιοῦτον ἐφθέγγατο, καὶ ἐδίδαξε, Γεώργιον λέγω τὸν Ἀρσιλαίτην, ὃν καὶ ἡ σὴ τιμιότης οὐδ' ὅλως ἡγνόσεν (Col. 1112B) (*Одержимый страстями проводит время в пустыне в непрерывном о них размышлении, как говорил и учил святой старец Георгий Арсилаитский, который и тебе, честнейший отче, небезызвестен*).

2. Раифский монастырь.

Раифский монастырь, имевший статус великой лавры, был основан в конце III – начале IV в. на берегу Красного моря, между Синайскими горами и Суэцким заливом. Топоним *Раиф* (*Раифский монастырь*) в Лествице отсутствует, однако Лествица как книга была написана по просьбе игумена Раифского монастыря Иоанна. Об этом свидетельствует и текст памятника, в котором имеется не менее 78 прямых обращений к заказчику, и вся богатейшая рукописная традиция книги, к тексту которой, помимо Жития святого Иоанна, прилагается переписка Иоанна Синайского с Иоанном Раифским, и

¹ В русскоязычных источниках (например, Православная энциклопедия. Т. 11, 58): Арселаит. В греческом тексте Лествицы: Ἀρσιλαίτης.

адресация Иоанну Раифскому Слова к пастырю. В связи с этим представляется спорным и малоаргументированным мнение, высказанное современным французским ученым М.-Ж. Пьером-Бейло о том, что Лествичник может быть литературной мистификацией, фикцией, восходящей к деятельности раифских монахов, и что Лествица как книга сформировалась не на Синае, а в Раифе [3. С. 121].

Интересное наблюдение находим в работе Р. Меестерса: отношения между автором Лествицы (Иоанном Синайским) и заказчиком книги (Иоанном Раифским) в метафорическом плане такие же, как отношения Моисея и Аарона: второй из них – архитектор (ἀρχιτέκτων), а первый – строитель (πληρωτής), получивший вдохновение от архитектора [4. С. 43].

3. Неназванный монастырь в Азии, в котором жил преп. Акакий.

В Православной энциклопедии высказывается гипотеза о том, что этим монастырем могла быть Келливарская лавра на Латрской горе [5. С. 604]. В Лествице эта обитель именуется μονή (ἐν τῇ μονῇ μου τῇ εἰς Ἀσίαν, ἐν τῇ αὐτῇ μονῇ τῆς Ἀσίας) и λαῦρα (τῆς λαύρας). В этой лавре подвизался Иоанн Савваит, со слов которого Иоанн Лествичник записал два рассказа – об Акакии (Col. 720–721) и об Антиохе (Col. 721).

Рассказ об Акакии являет собой потрясающий пример смиренного послушания. С именем Акакий в православной традиции ошибочно связывался атрибут «Синайский». Между тем в тексте Лествицы прямо говорится о том, что преп. Акакий был учеником старца, жившего в монастыре Азии: Οὗτος μοι διηγήσατο "Ὅτι περ ἐν τῇ μονῇ μου τῇ εἰς Ἀσίαν (ἐκεῖθεν γὰρ ὁ δίκαιος ὄρμητο) γέρων τις πάνυ ἀμελής καὶ ἀκόλαστος... Οὗτος, οὐκ οἶδ' ὅπως, ἐκτίησατο μαθητὴν νεώτερον, τῷ ὀνόματι Ἀκάκιον..." (Col. 720B) *(Он (Иоанн Савваит) рассказал мне следующее. В обители моей в Азии (ибо оттуда пришел сей преподобный), в которой я находился, прежде нежели пришел сюда, был один старец весьма нерадивой жизни и дерзкого нрава <...> Не знаю, каким образом приобрел он себе ученика, юношу именем Акакия... Будучи послушником этого сурового старца, Акакий постоянно подвергался поношениям и побоям и через девять лет такой жизни умер. Спустя пять дней после смерти ученика его наставник пришел к Иоанну Савваиту и поведал о смерти послушника. Иоанн Савваит усомнился и, когда они пришли в склеп, где был похоронен*

Акакий, спросил лежащего во гробе юношу: «Брат Акакий, умер ли ты?» – на что тот ответил: «Отче, как можно умереть делателю послушания?» Старец, убивший Акакия, испросил у игумена лавры келию при гробе ученика, в которой провел остаток жизни в добродетелях: Τότε ὁ γέρων, ὁ πρῶν αὐτοῦ ἐπιστάτης, ἔμφοβος γενόμενος, ἐπὶ πρόσωπον σὺν δάκρυσιν ἔπεσε, καὶ αἰτησάμενος τὸν τῆς λαύρας ἡγούμενον πλησίον τοῦ μνήματος κελλίον, ἐκεῖ σωφρόνως λοιπὸν ἔζησε, λέγων ἀεὶ τοῖς πατράσιν, ὅτι "Φόνον πεποίηκα" (Col. 721A) (*Тогда старец, который прежде был наставником Акакия, пораженный страхом, пал со слезами на землю, и потом, испросив у игумена лавры келию близ гроба Акакиева, провел там остаток жизни уже добродетельно, говоря всегда прочим отцам: «Я сделал убийство»*). Умолчание названия монастыря привело не только к неверному атрибуту святого (Акакий Синайский), но и к необычному явлению в церковном календаре памятней святых: под 7 июля в нем значится память «Акакия иже в Лествице».

Сказание об Акакии стало источником многих литературных памятников, например, Жития Ромила Видинского (ум. 1375) [6. С. 237], Послания тобольского архиепископа Нектария (1636–1640) [7. С. 20–21], повести Н.В. Гоголя «Шинель» [8. С. 9].

Рассказывая об Акакии, Иоанн Савваит скрыл свое имя, назвав себя старцем (γέρων). Во втором рассказе Иоанн Савваит вновь утаил свое имя, назвав себя Антиохом. Действие рассказа об Антиохе начинается в том же монастыре в Азии: Ἐμαθήτευσε (φησὶν) ἕτερος τις ἐν τῇ αὐτῇ μονῇ τῆς Ἀσίας μοναχῷ τινι, πρᾶφ καὶ ἐπιεικεῖ, καὶ ἡσυχίῳ, καὶ ὁρῶν ἑαυτὸν ὑπὸ τοῦ γέροντος, ὡς τιμώμενον καὶ περιφρονούμενον, σκέπτεται καλῶς ὅπερ πολλοῖς σφαλερὸν καὶ δυσωπεῖ τὸν γέροντα ἀπολῦσαι αὐτόν (Col. 721A) (*В той же, говорил он, азиатской обители был некто послушником у одного кроткого, тихого и безмолвного монаха: но видя, что старец как бы почитает и почитает его, он рассудил, что такое обхождение бывает бедственно, потому и упрости старца отпустить его*).

4. Неназванный монастырь в Понте, в котором 16 лет подвизался Иоанн Савваит.

В один из общежительных монастырей Понта (в северо-восточной области Малой Азии) Иоанн Савваит пришел из другой азийской обители: Ἐξέρχεται οὖν ἐξ αὐτοῦ καὶ καθιστᾷ ἑαυτὸν δι' ἐπιστολῆς τοῦ

ἐπιστάτου ἐν τινὶ τῶν κατὰ τὸν Πόντον κοινοβίων (Col. 721B) (*Отшедиши таким образом, послушник этот, при помощи письма от своего настоятеля, поместился в одном из общежитий, находящихся в Понте*). В Православной энциклопедии этот монастырь не указывается как одно из мест подвигов преподобного [5. С. 604], несмотря на то что в нем Иоанн Савваит провел не менее 16 лет. Здесь происходит действие рассказа об Антиохе – вымышленном персонаже, под именем которого скрывается сам Иоанн Савваит. В первую ночь по вступлении в монастырь он увидел сон, в котором его истязали как должного 100 литр золота. Три года монах провел в монастыре в беспрекословном послушании, уничтожении и оскорблениях *как чужака*. После этого Иоанн (Антиох) снова увидел сон, в котором ему было открыто, что он уплатил 10 литр золота. Пробудившись, послушник отдал весь свой рассудок Богу, и другие монахи возлагали на него как на лишенного рассудка все самые тяжкие дела в обители, а Иоанн (Антиох) проявлял смирение и усердие. Прожив тринадцать лет в подвиге юродства, монах получил во сне свидетельство о том, что его долг полностью выплачен.

5. Лавра Саввы Освященного.

Лавра, основанная преп. Саввой в Иудейской пустыне около 484 г., является одним из мест подвигов Иоанна Савваита, получившего по ее имени атрибут Σαβαΐτης. В Лествицу включен рассказ о трех юношах, желающих быть в послушании у святого старца: Καθεζομένῳ τούτῳ ἐν τῇ μονῇ τοῦ ἁγίου Σάββα προσῆλθον τρεῖς νεώτεροι μοναχοὶ, μαθητεῦσαι αὐτῷ βουλόμενοι (Col. 721D) (*Во время его пребывания в обители святого Саввы пришли к нему три юных инока, желая быть его учениками*). Иоанн Савваит, понаблюдав за ними три дня, отказался принять их в ученики, дав каждому совет: первому – идти в безмолвное место (ἐν ἡσυχαστικῷ τόπῳ) в послушание к духовному отцу, второму – жить в общежитии братий (ἐν συνοδίᾳ καὶ κοινοβίῳ ἀδελφῶν), третьему – найти себе самого строгого и сурового из всех наставников и принимать от него все поругания и уничтожения *как мед и молоко*.

6–7. Тавеннисийская обитель и Скитская пустыня.

Тавеннисийская обитель была основана в египетской пустыне на правом берегу реки Нил преп. Пахомием Великим в первой трети IV в. Скитская пустыня, находящаяся в 30 верстах от Александрии,

известна как место спасения многих отшельников в эпоху расцвета египетского монашества с IV по VII в. В Скитской пустыне подвизались такие святые отцы, как Макарий Египетский, Пимен, Исаия, Пафнутий, Сисой, Моисей Мурин, Иоанн, Арсений и многие другие, о жизни которых повествует Скитский патерик. Автор Лествицы сравнивает Тавеннисийскую обитель и Скитскую пустыню, задаваясь вопросом *Τί δὴ ποτε οὐ τοσοῦτοι παρὰ τοῖς ὁσίοις Ταβεννησιώραις οἱ φωστῆρες. ὅσοι παρὰ τοῖς Σκητιώταις γεγόναιιν* (Col. 1105C) (*Почему у преподобных тавеннисиотян не было таких светильников, какие были у скитян?*). Ответ на этот вопрос должен дать читатель его книги: *Ὁ νοῶν, νοεῖτω, ἐγὼ γὰρ λέγειν οὐ δύναμαι, μᾶλλον δὲ οὐ βούλομαι* (*Кто может разумеать сие, да разумеет; а я не могу говорить об этом или, вернее, не хочу*).

8. Неназванный монастырь близ Александрии, метохом которого была темница.

Место нахождения и название этой обители остаются загадками. В западноевропейской науке, вслед за Ж.П. Минем, считается, что темница находилась в фиваидском монастыре под названием Таноб, упомянутом в предисловии к монастырскому уставу св. Пахомия Великого по латинскому переложению св. Иеронима [9. Col. 763–764; 10. Col. 73]. В.М. Лурье считает, что речь идет о Монидийской обители, находившейся в 24 милях вверх по Нилу от Александрии [11, 12]. В «Православной энциклопедии» в качестве места, где находилась темница, указывается вышеупомянутый Тавеннисийский монастырь [5. С. 405].

Из текста Лествицы можно сделать однозначный вывод о том, что эта обитель находилась вблизи Александрии. Послушник монастыря Исидор происходил из князей Александрии: *Ἰσίδωρος τοῦνομα, ἐξ ἀρχοντικῆς ἀξίας Ἀλεξάνδρου τῆς πόλεως, ἐν τῇ εἰρημένῳ κοινοβίῳ, πρὸ τούτων τῶν χρόνων ἀπετάξατο* (Col. 689A). Архидиакон Македоний на два дня отлучался из монастыря в Александрию по своим делам: *λιπαρεῖ τὸν ποιμένα, πρὸ δύο ἡμερῶν ἐν τῇ πόλει Ἀλεξανδρεῖα εἰσελθεῖν, οἰκείας χρείας χάριν τινὸς* (Col. 696B). Бывший разбойник был готов к публичному покаянию посреди Александрии (*κατὰ μέσον Ἀλεξάνδρου τῆς πόλεως* (Col. 681D).

Автор Лествицы называет этот монастырь (*κοινόβιον, μονή*) *великим*: *μέγα κοινόβιον, μεγάλη μονή*. Описательным именованием этой обители является *священное место*: *ὁσιος τόπος*.

Кроме темницы, о которой пойдет речь далее, этому монастырю принадлежала лавра: Ἦν δὲ αὐτῷ ὑποκειμένη καὶ Λαῦρα τῷ ἀοιδίμῳ, ἐν ᾗ ἐκ τῆς μονῆς τοὺς δυνατοὺς πρὸς ἡσυχίαν καθίστα, ὁ περὶ πάντα τέλειος (Col. 1200D) (*Сему достойному мужу была подчинена и лавра, в которую сей совершеннейший во всем посылал из обители своей более сильных духом на безмолвие*).

Имя игумена этого монастыря Лествичник замалчивает. В памятнике есть лишь относящиеся к нему многочисленные эпитеты (ὁ μέγας *великий*, φωστὴρ τῶν φωστῆρων (*светило светил*), τῇ σοφίᾳ ἄνω ὅλος ἡμφιεσμένος (*весь облечен вышнюю премудростию*), ἀοίδιμος (*достопамятный*) и т.п.). Именно он в Лествице представлен как идеальный образ игумена (пастыря, отца, учителя, судии, врача, кормчего, художника). Наблюдения над функционированием библейских цитат в тексте Лествицы позволили выявить главный символический «ключ» к пониманию текста памятника: это евангельская притча о добром пастыре и наемнике (Ин 10: 1-16). Цитаты из этой притчи встречаются в тексте Лествицы не менее 27 раз; Слово к пастырю во всем объеме является аллюзией на эту библейскую притчу. В рамках статьи не представляется возможным раскрыть все особенности изображения *добротного пастыря* – игумена описываемого монастыря; приведем лишь один пример, который свидетельствует об исключительном духовном авторитете настоятеля этой обители: συμφέρον εἰς Θεόν, καὶ μὴ εἰς πατέρα ἡμῶν ἀμαρτῆσαι. Θεοῦ μὲν γὰρ παρρησιάζεσθαι, ὁ ἡμῶν ὁδηγὸς καταλλάξαι αὐτὸν πρὸς ἡμᾶς δύναται, τοῦτου δὲ ὑφ' ἡμῶν ταραχθέντος, τινὰ τὸν ἐξιλεούμενον ὑπὲρ ἡμῶν οὐκ ἔχομεν (Col. 728A) (*Лучше согрешить перед Богом, нежели перед отцом своим, потому что если мы прогневали Бога, то наставник наш может Его с нами примирить, а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал*).

Число послушников монастыря было 330 (τριακόσια τριάκοντα), не считая тех, которые находились в темнице и в лавре, принадлежавших этой обители. Интересно, что Иоанн Лествичник скрывает имя настоятеля монастыря, но не скрывает имен послушников, среди которых есть и имя причисленного к лику святых (Мина).

Лествичник создает яркие выразительные картины, описывающие жизнь монастыря, которые ему удалось увидеть в бытность там, вероятно, в течение двух месяцев.

Первое, что поразило автора, – это суд над покаявшимся разбойником: Φοβερὸν πον, παραγενόμενος ἐν κοινοβίῳ καλοῦ κριτοῦ καὶ ποιμένου, ἑώρακα κριτήριον (Col. 681C) (*Пришедши в некоторое общежитие, видел я страшное судилище доброго судии и пастыря*). Один разбойник покался в своих грехах и решил уйти в монастырь. Игумен предложил ему сначала отдохнуть в обители в течение семи дней, по прошествии которых пригласил разбойника к себе и наедине спросил, не пропало ли у того желание быть причисленным к братии. После этого *добрый судия* выслушал исповедь разбойника и повелел ему еще раз высказать свои грехи, но уже перед всей братией. Зрелище, увиденное иноками, было поистине ужасающим: братья приволокли избиваемого разбойника со связанными сзади руками, облаченного в волосяное вретисце, с головой, посыпанной пеплом. Когда он приблизился к святым вратам, пастырь остановил его громким голосом как недостойного войти в них. *Осужденнику* показалось, что он слышит гром, в страхе упал он со слезами на землю, и после этого, по приказанию пастыря, бывший разбойник объявил перед всеми свои возмутительные для слуха беззакония, сделанные против естества с людьми и животными, чародеяния, убийства и другие настолько ужасающие злодеяния, о которых *не следует ни слышать, ни писать*. При этом одному иноку привиделся некий *страшный муж* со свитком и тростью, изглаждавший ею на бумаге тот или иной грех после его объявления, – так разбойник получил извещение о прощении своих грехов и, по велению пастыря, был пострижен в монахи.

Другим разбойником, решившим принять постриг, является Исидор – жестокий князь Александрии. Игумен дал ему послушание в течение семи лет стоять у ворот монастыря, кланяясь до земли всем входящим и выходящим. Через два года Исидор пришел в совершенное бесстрастие и смирение: ἀνάξιον ἑαυτὸν λοιπὸν ἐλογιζόμεν ὁὐκ αἰσθήσει καρδίας, καὶ τῆς ἐν τῇ μονῇ διατριβῆς, καὶ τῆς τῶν Πατέρων θέας, καὶ συντυχίας, καὶ τῆς τῶν μυστηρίων μεταλήψεως, καὶ τῆς ἐν προσώπῳ τινὸς θεωρίας, κάτω δὲ νεύων τῷ ὄμματι, καὶ κατωτέρῳ φρονήματι (Col. 689D) (*в чувстве сердца стал считать себя недостойным и пребывания в обители, и видения старцев, и зрения на лица их, и причащения Святых Таин, поникши очами долу, а мыслью еще ниже*). Все это время Исидор находился рядом с привратником обители. Когда же по прошествии указанных семи лет наставник

принял решение о рукоположении Исидора, тот отказался, намекая, что конец его близок. Через десять дней после этого Исидор умер, а на седьмой день после его смерти умер и привратник монастыря. Это стало знаком того, что Исидор получил прощение своих грехов (до этого он говорил привратнику, что если получит на небесах спасение, то и там будет с ним неразлучен).

Еще один пример беспрекословного послушания и смирения – 80-летний старец Лаврентий. Придя на трапезу, Лаврентий поклонился игумену и получил от него благословение. После этого игумен оставил его не евши стоять перед накрытым столом и смотреть на обедающих монахов в течение всей трапезы (час или два), а после нее отправил голодного старца спеть стоящему у ворот монастыря грешнику начало 39-го псалма. Лаврентий настолько любит своего игумена и настолько верит ему, что видит в нем Христа, и представляет, что стоит он не перед братской трапезой, а перед алтарем Божиим (Col. 692B).

Эконом этой обители был целомудр, как никто другой, и кроток, как весьма немногие $\sigma\acute{\iota}\gamma\eta\tau\eta\varsigma$ (εἰ καὶ τις ἄλλος, πρῶτος, ὥς πάνυ ὀλίγοι (Col. 692C). Лествичник оказался свидетелем того, как игумен притворно, для пользы других (πρὸς τῇν τῶν λοιπῶν ὠφέλειαν), разгневался на него, приказав выгнать его из церкви.

17 лет жил в монастыре отец Аввакир, и на протяжении всего этого времени братья смеялись над его маленьким ростом, отгоняли его от трапезы и не давали ему есть (Col. 693). Перед смертью смиренный Аввакир от души поблагодарил своих обидчиков, потому что, *терпя все без тяжести*, он смог избежать искушений бесов.

Один из монахов обители, архидьякон Македоний, отпросился у игумена в Александрию, обещав вернуться к празднику св. Богоявления. Однако Македоний задержался в городе; за это игумен лишил его чина на сорок дней, отлучил на это время от службы и низвел в чин последних среди новоначальных. Через сорок дней игумен снял епитимию, однако Македоний умолил оставить его в этом чине, добровольно принимая все унижения, поскольку только в положении униженного послушания он смог вкушать *сладость Божественного света* (Col. 696).

За неделю до удаления Лествичника из этого монастыря умер Мина, помощник игумена, проживший в обители 59 лет (Col. 697).

На третий день после смерти этого праведника то место, где лежал преподобный, внезапно наполнилось благоуханием; открыв гроб с телом Мины, все увидели, что из его ног как из двух источников исходит благовонное миро, – Господь принял честного своего слугу. Позже ученик Мины рассказал Лествичнику одну историю о его учителе. Однажды после общих вечерних молитв Мина подошел к игумену взять правило (о числе келейных молитв, поклонов и т.п.), как это следовало по уставу монастыря, и положил земной поклон. Игумен оставил его в таком положении до времени утреннего правила. Мина за эту ночь не сомкнул глаз – чтобы не заснуть, он прочитал наизусть всю Псалтырь. В.М. Лурье считает, что в этом рассказе о Мине находит соответствие монидийский чин псалмопения: «...именно таковым деланием устав (Монидийской. – Т.П.) обители предписывал заполнять все время между уставными молитвословиями. Это и заставляет думать, что чтение Псалтыри в течение ночи было уставным, и соль этого рассказа заключается в том, что необычное положение тела не заставило преподобного Мину отступить от обычного правила. Таким образом, мы имеем здесь греческую параллель к сирийскому рассказу Иоанна Эфесского» [12. С. 83]. Сказание о Мине, отделившееся от текста Лествицы, очень рано вошло в русскую письменность: оно содержится уже в Лобковском Прологе (1262 или 1282 г.) под 5 января. Как и в случае с Акакием, с Миной ошибочно связан атрибут «Синайский».

Один из насельников монастыря (ὁ τὴν διακονίαν τῆς μονῆς πεπιστευμένος) поведал Лествичнику историю своего исцеления от греховной страсти, обуявшей его в юности (Col. 697A). Монах рассказал о своем тяжком душевном падении игумену: *он же с веселым лицом, тихо ударив меня по щеке, сказал: Поди, чадо, продолжай, как прежде, службу свою и отнюдь ничего не бойся* (ὁ δὲ, μεδιῶν τῷ προσώπῳ, φησὶν πρὸς με, παῖσας μου τὴν σιαγὸνα μετρίως «Ἀπὸ θι, τέκνον, ἔχου τῆς διακονίας σου, ὡς τὸ πρὶν, μηδὲν τὸ παράπαν δεδιώς»).

Особое умиление и восхищение вызывали у Лествичника добродетели повара этого монастыря (Col. 688). Работа в монастырской поварне – это тяжелое испытание (и физическое и нравственное). Выполняя это послушание, повар монастыря помышляет, что он служит не людям, а Богу, и огонь, на котором он готовит еду, постоянно напоминает ему *о вечном огне геенны*.

Этот не названный автором монастырь имел и удаленный метох (τὸ μοναστήριον), в котором располагалась темница святых осужденников. Темница находилась на расстоянии одного поприща от *великой обители*: Τόπος μὲν ἦν ἀπὸ σημείου ἑνὸς τῆς μεγάλης μονῆς, φυλακὴ λεγομένη (Col. 704A). Если в ком-либо из послушников обители *обнаруживалась ненависть к брату, то пастырь отсылал такого, как преступника, в особенный монастырь*: Εἰ δέ που ἐφάνη τις μισάλληλος, τοῦτον ὁ Ποιμὴν ἐν τῷ ἀφωριστικῷ μοναστηρίῳ, ὡς κατάκριτον, ἐξώριζεν (Col. 685A). Однако в темнице находились не только наказанные игуменом, но и добровольно идущие на страдания в темнице, поэтому место называется *темница святых осужденников*: φυλακὴ τῶν ἀγίων καταδίκων (Col. 764B).

Для обозначения этого места автор использует лексемы φυλακὴ, φρουρά (*темница*), сочетания ἀφωριστικὸν μοναστήριον (*особенный монастырь*), ἐν τῇ μονῇ τῇ ἰδιαζούσῃ τῶν ἐπὶ πτώματι πενθούντων (*особенная обитель оплакивающих свои грехопадения*), перифразы χώρα τῆς μενανοίας (*страна покаяния*), ἀπαράκλητος τόπος (*безутешное место*).

Имена узников темницы Иоанн Лествичник не называет. В рассказе о темнице упомянуто лишь имя надсмотрщика Исаака, требовавшего от наказанных непрестанной молитвы: Κατέστησε δὲ αὐτοῖς, καὶ τοποιοὺν μέγαν, Ἰσαὰκ ὀνόματι, ὃς ἀπῆτει τὴν προσευχὴν ἀδιάλειπτον σχεδὸν (Col. 704B).

В этой темнице Лествичник провел один месяц: ἐπὶ ἡμέρας τριάκοντα (Col. 776B). Чрезвычайно выразительные страницы Лествицы посвящены описанию добровольных мучений узников монастырской тюрьмы. Повествуя о темнице, автор живописует потрясающе яркие картины: узники с воспаленными, высунутыми, как у псов, языками, с разбитыми от множества поклонов коленями, с лишенными ресниц, глубоко впавшими внутрь померкшими глазами, с покрытыми язвами и сожженными горячими слезами щеками, с увядшими и бледными, как у мертвецов, лицами, изрыгающие кровь при ударах в израненные груди, в грязной, рваной, покрытой вшами одежде. Они не молят пастыря о помиловании; наоборот, они умоляют его о еще большем ужесточении наказаний. В предчувствии близости смертного часа кающиеся умоляют пастыря не предавать их земле по человеческим обычаям, а, как скотов, бросить их в реку или отдать на съедение зверям.

Описания страданий узников темницы нашли яркое художественное воплощение в изобразительном искусстве (см.: [13]), в византийской гимнографии (см.: [14]), в литературных памятниках. Так, например, один мотив отразился в «завещании» киевского митрополита Константина I (ум. 1159), оставившего перед смертью странное распоряжение: не погребать его тело, а выволочь на пугать и оставить на растерзание уличным псам. Есть мнение, что в основе этого «завещания» лежит текст гимнографического канона на исход души, который тесно связан с Покаянным канон [15. С. 57–58]. В середине XII в. Покаянный канон еще не был переведен на славянский язык (перевод был выполнен во второй половине XIV в. на Афоне), однако Лествица в первом славянском переводе уже была хорошо известна на киевских и черниговских землях. На наш взгляд, вполне возможно, что митрополит был знаком с Лествицей по тексту первого славянского перевода, и в числе источников его «завещания» мог быть не текст названного канона, а слова Лествицы: ὁπηνίκα τις αὐτῶν ἐν τῷ παντὶ ἐθεώρει ἑαυτὸν, τοῦτο διὰ τοῦ προεστῶτος αὐτῶν ἐδυσώπει μεθ' ὄρκων τὸν μέγαν, τοῦ μὴ καταξιοθῆναι αὐτὸν ἀνθρωπίνης ταφῆς, ἀλλὰ ἀλόγου, ἢ ἐν τῷ ρείθρῳ τοῦ ποταμοῦ, ἢ ἐν τῷ ἀγρῷ τοῖς θηρίοις παραδοθῆναι (Col. 772C).

Таким образом, Лествица сохранила исторические свидетельства и факты из жизни лавры Саввы Освященного и пяти египетских монастырей, умолчав при этом названия трех из них. Отсутствие наименований лавры в Малой Азии и общежительного монастыря в Понте можно объяснить тем, что повествования о них представляют собой «рассказ в рассказе»: эти истории поведал автору его собеседник преп. Иоанн Савваит; возможно, он не посчитал важным акцентировать внимание слушателя на названиях монастырей (тем более что в своих рассказах Иоанн Савваит и сам скрывается за чужим именем, назвав себя Антиохом). Совсем другой случай представляет собой отсутствие названия монастыря близ Александрии, в котором подвизались сотни иноков, методами которого были *темница* и *лавра*. Справедливым представляется мнение В.М. Лурье: замалчивание названия монастыря и имени его игумена в исторической ситуации VII в. могло быть связано с монофелитской унией; возможно, эта обитель была духовным центром монофелитства и тем самым она заслужила ис-

торическое «проклятие памяти» [12. С. 82]. Именно этот не названный автором монастырь занимает ключевое место в «священном пространстве» Лествицы.

Список источников

1. *Гардзанти М.* Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М. : Индрик, 2014. 230 с.
2. *Dahari U.* Monastic Settlements in South Sinai in the Byzantine Period: The Archaeological Remains. Jerusalem : Israel Antiquities Authority, 2000. 250 с.
3. *Pierre-Beylot M.-J.* Raïthou, Pharan, la Sainte Montagne et les trois Moïse. Éléments d'histoire monastique à l'époque de Jean Climaque // *Monachismes d'Orient. Images, échanges, influences.* Turnhout : Brepols, 2011. С. 65–122.
4. *Meesters R.* The Afterlife of John Klimax in Byzantine Book Epigrams. Edition, Translation and Commentary of Two Poetic Cycles. Proefschrift voorgelegd tot het behalen van de graad van Doctor in de taal-en letterkunde. Universiteit Gent, 2017. 503 с.
5. Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. Т. 24. 745 с.
6. *Дуйчев П.* Стара българска книжнина. Книжовни и исторически паметници отъ второто българско царство. София : Хемус, 1945. 436 с.
7. *Ромодановская Е.К.* Литературная деятельность Тобольского архиерейского дома в XVII в. // *Славянский альманах.* М. : Индрик, 2003. С. 16–24.
8. *Seemann K.* Eine Heiligenlegende als Vorbild von Gogol's «Mantel» // *Zeitschrift für slavische Philologie.* 1966. Т. 33 (1). С. 7–21.
9. *Patrologia Cursus Completus. Series Graeca.* Paris : Jacques Paul Migne's Imprimerie Catholique, 1857–1866. Vol. 88.
10. *Patrologia Cursus Completus. Series Latina.* Paris : Jacques Paul Migne's Imprimerie Catholique, 1844–1855. Vol. 23.
11. *Лурье В.М.* Из истории чинопоследований псалмопения: Полная псалтырь в ежедневном правиле (в связи с историей египетского монашества IV–VII вв.). 1–2 // *Византийский временник.* 1997. Т. 56 (81). С. 228–237.
12. *Лурье В.М.* Из истории чинопоследований псалмопения: Полная псалтырь в ежедневном правиле (в связи с историей египетского монашества IV–VII вв.). 3 // *Византийский временник.* 1999. Т. 58 (83). С. 76–83.
13. *Подковырова В.Г., Попова Т.Г.* «Слово о покаянии» Иоанна Лествичника: зримое слово и воплотившийся образ // *Palaeoslavica.* 2012. Т. 20 (1). С. 16–82.
14. *Богдановић Д.* Покаяни канон Лествице у старом српском преводу // *Зборник Филозофског факултета.* 1974. Т. XII (1). С. 251–289.
15. *Виноградов А.Ю., Желтов М.С.* «Завещание» митрополита Константина I Киевского и канон «на исход души» // *Slověne.* 2014. Вып. 1. С. 43–71.

References

1. Garzaniti, M. (2014) *Bibleyskie tsitaty v tserkovnoslavyanskoy knizhnosti* [Biblical quotations in Church Slavonic literature]. Translated from Italian. Moscow: Indrik.
2. Dahari, U. (2000) *Monastic Settlements in South Sinai in the Byzantine Period: The Archaeological Remains*. Jerusalem: Israel Antiquities Authority.
3. Pierre-Beylot, M.-J. & Raïthou, P. (2011) La Sainte Montagne et les trois Moïse. Éléments d'histoire monastique à l'époque de Jean Climaque. In: Jullien, F. & Pierre, M.-J. (eds) *Monachismes d'Orient. Images, échanges, influences*. Turnhout: Brepols. pp. 65–122.
4. Meesters, R. (2017) *The Afterlife of John Klimax in Byzantine Book Epigrams. Edition, Translation and Commentary of Two Poetic Cycles*. Proefschrift voorgelegd tot het behalen van de graad van Doctor in de taal-en letterkunde. Universiteit Gent.
5. Patriarch of Moscow and All Russia. (ed.) (2009) *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 24. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya.
6. Duychev, I. (1945) *Stara b"lgarska knizhnina. Knizhovni i istoricheski pametnitsi ot" vtoroto b"lgarsko tsarstvo*. Sofia: Khemus.
7. Romodanovskaya, E.K. (2003) Literaturnaya deyatel'nost' Tobol'skogo arkhieyreyskogo doma v XVII v. [Literary activities of the Tobolsk Bishops' House in the 17th century]. In: Nikiforov, K.V. (ed.) *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac]. Moscow: Indrik. pp. 16–24.
8. Seemann, K. (1966) Eine Heiligenlegende als Vorbild von Gogol's "Mantel". *Zeitschrift für slavische Philologie*. 33(1). pp. 7–21.
9. Migne, J.P. (ed.) (1857–1866) *Patrologia Cursus Completus. Series Graeca*. Paris: Jacques Paul Migne's Imprimerie Catholique.
10. Migne, J.P. (ed.) (1844–1855) *Patrologia Cursus Completus. Series Latina*. Paris: Jacques Paul Migne's Imprimerie Catholique.
11. Lurie, V.M. (1997) Iz istorii chinoposledovaniy psalmopeniya: Polnaya psalmyr' v ezhdnevnom pravile (v svyazi s istoriey egipetskogo monashestva IV–VII vv.). 1–2 [From the history of the rites of psalmody: A complete psalter in the daily rule (in connection with the history of Egyptian monasticism in the 4th–7th centuries). 1–2]. *Vizantiyskiy vremennik*. 56(81). pp. 228–237.
12. Lurie, V.M. (1999) Iz istorii chinoposledovaniy psalmopeniya: Polnaya psalmyr' v ezhdnevnom pravile (v svyazi s istoriey egipetskogo monashestva IV–VII vv.). 3 [From the history of the rites of psalmody: A complete psalter in the daily rule (in connection with the history of Egyptian monasticism in the 4th–7th centuries). 3]. *Vizantiyskiy vremennik*. 58(83). pp. 76–83.
13. Podkovyrova, V.G. & Popova, T.G. (2012) "Slovo o pokayaniy" Ioanna Lestvichnika: zrimoe slovo i voplotivshiysya obraz ["The Word of Repentance" by John of the Ladder: a visible word and an incarnated image]. *Palaeoslavica*. 20(1). pp. 16–82.

14. Bogdanovy, D. (1974) Pokajni kanon Lestvitse u starom srpskom prevodu. *Zbornik Filozofskog fakulteta*. 12(1). pp. 251–289.

15. Vinogradov, A.Yu. & Zheltov, M.S. (2014) “Zaveshchanie” mitropolita Konstantina I Kievskogo i kanon “na iskhod dushi” [“Testament” of Metropolitan Constantine I of Kiev and the canon “for the exodus of the soul”]. *Slověne*. 1. pp. 43–71.

Информация об авторе:

Попова Т.Г. – д-р филол. наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград, Россия). E-mail: lestvic@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.G. Popova, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: lestvic@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 02.03.2022.

The article was accepted for publication 02.03.2022.